

Повесть о славном князе Владимире Киевском

Во время неверия Владимир имел множество жен, между которыми была у него болгарыня, именем Милолика, чрезвычайной красоты, как то можно усмотреть из описания о сей, ибо имела она очи сокольи, брови соболюи, походку павлиную, грудь лебединую, и прочая. Довольно, что не было ее краше во всю землю Русскую, во всю колесницу поднебесную, и следственно, возлюбленнее для своего супруга. Она взята была в плен близ столичного города отечества своего Боогорда волжскими разбойниками во время прогуливания с своими мамками, няньками и санными девушками и для великой красоты доставлена к Владимиру, который с первого взгляда столь заражен стал прелестями ее, что предпочел ее всем женам своим и свободил всех 800 наложниц, заключаемых для него в Вышграде, чем и приобрел сердце гордой сей красавицы. Дни текли в совершенной радости; прешедшие победы принесли богатства; мир умножал изобилие; подданные любили своего государя, и сей обращал к ним все рачение и милость, ибо покой души его происходил от сердца, удовлетворенного любовью. С сего обстоятельства начинается повесть.

Седящу Владимиру со своею княгинею Милоликою, со своими боярами, в своих теремах златоверхих, за столами дубовыми, за скатертьми браными, за яствами сахарными, понеже день тот был торжествуем в воспоминание славной победы над греками. Внезапно слышан стал глас рога ратного. Великий князь прикручинился, сложил свои руки ко белым грудям и думал крепку думушку. От сего бояре приуныли все, буйны головы повесили. Один лишь Святорад, воевода Киевский, не уныв сидел; он встает, поднимается из-за стола дубового, не допив чары зелена вина, не доев куска сахарного; он подходит к князю Владимиру, преклоняет чело до полу и говорит бодрым голосом:

-- Ты гой еси, наш батюшка Владимир-князь, Киевское Солнышко Всеславьевич! Не прикажи казнить-рубить, прикажи слово вымолвити! Отчего ты, государь, прикручинился? О чем ты так запечалился? Будет и пришла чудь поганая под твой славный Киев-град, разве нет у тебя рати сильныя? Прикажи, государь, послать опровердати, кто смеет наступать на землю Русскую?

На сие ответствовал ему великий князь с улыбкою:

-- Благодарю тебя за твое о мне усердие. Я запечалился не от ужаса: побивал я войски сильные, разорял я грады крепкие, не один царь пал от рук моих, мне

война уж принаскучила, мне жаль вас, моих подданных; я хотел прожить с вами мирный век, не хотел я лить крови человеческой; но когда так учинилось, пошлите опровергати двух сильных витязей, кто смеет стать перед Киевом? Кто смеет трубить ко Владимиру? На бой ли он зовет или тешится? Святорад поклоняется, выходит из терема златоверхого на красное крыльцо, призывает из дворца государева славных витязей, выбирает двоих, кои по сердцу, посылает их сказать слово княжее. Славные витязи надевают сбрую ратную, садятся на добрых коней, выезжают во чисто поле. Там не видят они силы ратная, ни войска великого, только видят один бел шатер. Подъезжают к тому белу шатру, видят коня богатырского, роста необъятного; конь, завидя их, перестал есть пшеницу белу ярую, учил бить копытом во сыру землю, провещал человеческим голосом: "Встань, пробудись, сильный могучий богатырь Тугарин Змеевич! К тебе идут послы из города Киева!"

-- Ты гой еси, добрый удалый молодец! Скажи, поведай нам, как зовут тебя по имени, как величают по отчеству? Царь ли ты или царевич? Король или королевич? Или из иных земель грозен посол? Или сильный могучий богатырь? Или ты поленица удалая? Прислал нас к тебе Владимир-князь, Киевское Солнышко Всеславьевич, велел опровергати, кто смел так стать перед Киевом? Кто мог трубить пред Владимиром? Служить ли ты пришел князю нашему? Или с его витязьми переведаться? Будет ты служить пришел, ино не честь богатырская стать на лугах княженицких неспроста. Довлело б тебе обослатися, поклонитися. Будет же пришел испытать могуча плеча, уноси ты скорей буйну голову свою -- не смогчи тебе на Русь славную! Не в твою пору богатыри сильные погибали здесь перед Киевом; клевали их тела черны вороны; таскали кости их серы волки. Хоть убьешь ты здесь богатыря русского, ино есть вместо его тысяча, а за тысячью и сметы нет.

Исполин рассердился от таковых угроз: глаза его засверкали пламенем, он запыхтел, как мех кузнечный, и из ноздрей его посыпались искры огненные. Воскричал он громким голосом, словно как вдали Перун гремит:

-- Ой вы, глупые ребятишки неразумные! Посверчу я вам буйны головы от могучих плеч! Мне ли сметь сказать таковы речи? Суждено быти вам посланцами -- не топтать бы вам травы-муравы! Известно дело, что послов не секут, не рубят. Подите вы назад к князю Киевскому, скажите ему опалу великую. Научу я его быть вежливым! Позабудет он красти княжон болгарских! Но не богатырская честь на словах грозить -- покажу я вам бую-правдою. Я дал слово крепкое князю Болгарскому -- привезти ему главу Владимирову. Скажите вы своему князю: прогневался на него князь Болгарский, грозный Тревелий, и несть ему спасения. Пригожее ли дело -- похищать княжну рода славного? Будет Милолика ему лена показалася, ино шел бы он служить ко Тревелию (брату ее), и по заслуге его бы князь

пожаловал. А днесь, уже не вменяет он родства его, не глядит на слезы Милоликины. Я сдержу мое слово крепкое, богатырское, оторву я ему буйну голову от могучих плеч. Не сокроют его леса темные, не спасут горы высокие; мне не надобно ни злата, серебра, ни камня самоцветного, только надобна кровь Владимира.

Окончав речь сию, исполин подхватил близлежащий камень величины необъятной и примолвил: "Не скажу я вам, как зовут меня по имени, как величают по отчеству, покажу лишь вам, каковы мои мышцы крепкие, каковы руки сильные". С словом сим бросил он камень вверх, как бы легкое перо, который сокрылся за облаки. Посланные с превеликим ужасом смотрели на сие невероятное происшествие, дожидаясь с полчаса обратного падения камня, и, не дождавшись, поехали в город.

По прибытии представлены великому князю и донесли виденное и слышанное. Князь изумился и жалел, что презрел шурина своего Тревелия и не дал ему знать о сочетании своем на сестре его, хотя бы чрез посольство; но изумление его обратилось в ужас (хотя, впрочем, ему несвойственный), когда при названии провещанного конем имени Тугарина Змеевича княгиня Милолика пролила горючи слезы и с рыданием вопила:

-- Погибли мы, дражайший супруг! Нет нам спасения от гнева брата моего: нрав его весьма лютый, и посланный его богатырь Тугарин имеет крылья и коня очарованного. Когда он на коне сидит, то не вредит его никакое оружие. Он опустошил было все царство Закамское, принадлежащее князю Болгарскому, если б не вошел он с ним в мирные условия и не обещал ему меня в супружество. Но как я не могла помыслить без трепета, что достаясь чудовищу, и намерена была бежать из отечества, для чего нарочно избирала случай, предпринимая отдаленные и скрытные прогулки, то похищена была, по счастью, волжскими разбойниками и досталась тебе, возлюбленный мой князь. Посему рассуди, какова должна быть лютость Тугаринова противу тебя, когда ты овладел его нареченною невестою; но я леденею от ужаса, когда вообразу о силе сего чудовища чародейного! Должно мне рассказать тебе все сии подробности, чтоб ты послушался меня, оставил бы свое княжество и спасался со мною за Буг-реку, ибо там только не действует его власть волшебная. С тобою, дражайший супруг, счастлива я и в отдаленнейших пустынях; но если поупорствуешь ты противиться Тугарину и не предпримешь следовать моему совету, лиши меня жизни, ибо не могу я видеть погибель твою неизбежную".